

Леонтьев Константин Николаевич

Наши новые христиане

**Ф.М. Достоевский и Лев
Толстой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Николаевич Л.**
Наши новые христиане: Ф.М. Достоевский и Лев Толстой / Леонтьев Константин Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 70 с.

ISBN 978-5-519-93183-0

ISBN 978-5-519-93183-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

сказъ есть явленіе почти столько же характерное, какъ и рѣчь Достоевскаго.

Серьезно же это явленіе уже потому, что *въ теченіи одного мѣсяца повѣсть „Нѣмъ люди живы?“ печатается въ четвертый разъ*. Сначала она появилась въ журналѣ г-жи Истоминой „Дѣтскій Отдыхъ“; потомъ она вышла отдѣльно съ хорошими рисунками; потомъ тоже отдѣльно безъ рисунковъ, дешевымъ изданіемъ; и недавно ее *четвертый разъ* отпечатали въ видѣ большаго альбомъ съ тѣми же рисунками, но тоже большаго размѣра.

Значить она нравится, интересуется; значить она стала очень популярна...

И замѣтимъ—она считается полезной для дѣтскаго возраста, то-есть для такого, въ которомъ:

.... еще новы...

Всѣ впечатлѣнья бытія!...

Очень важно знать *правильны ли* эти впечатлѣнія, строги ли они, или только *милы но обманчивы!*...

По моему мнѣнію впечатлѣніе этого разсказа именно мило и трогательно, но обманчиво. И по моему же мнѣнію рѣчь Достоевскаго (которую я рѣшился перепечатать здѣсь, чтобы возраженія мои были яснѣе) рѣчь пламенная, вдохновенная, красная, такъ сказать, но въ основаніи своемъ совершенно ложная; ибо нельзя же смѣшивать такъ опрометчиво и грубо, какъ сдѣлалъ Достоевскій, *объективную любовь поэта*, любовь *изящнаго вкуса*, требующаго пестроты, разнообразія, анти-тезы и даже *трагической борьбы*, съ любовью *моральной*, съ чувствомъ милосердія и со стремленіемъ къ по-головной, однообразной кротости...

Какъ ни разнятся между собой Толстой и Достоевскій и по складу художественнаго таланта, и по выбору предметовъ для творчества своего, и по столькому другому,—но они сходятся въ одномъ—они за послѣд-

нее время стали проповѣдниками того односторонняго христіанства, которое можно позволить себѣ называть христіанствомъ „сентиментальнымъ“ или „розовымъ“.

Этотъ оттѣнокъ христіанства очень многимъ знакомъ; эта своего рода „ересь“, неформулированная, не совокупившаяся въ организованную еретическую церковь, весьма распространена у насъ теперь въ образованномъ классѣ.

Объ одномъ *умалчивать*; другое *игнорировать*; третье *отвергать* совершенно; инаго *стыдиться*, и *признавать* святымъ и божественнымъ только то, что наиболѣе приближается къ чуждымъ православію понятіямъ европейскаго *утилитарнаго прогресса* — вотъ черты того христіанства, которому служатъ теперь многіе русскіе люди и котораго, къ сожалѣнію, провозвѣстниками явились на склонѣ лѣтъ своихъ наши литературные авторитеты.

Отъ ихъ ума можно было бы ожидать чего ~~нибудь~~ поглубже и посамобытнѣе...

Н. Леонтьевъ.

О всемірній любви, по поводу рѣчи Ө. М. Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ.

I.

Не пора ли ужъ перестать писать о Пушкинѣ, и о всѣхъ тѣхъ, кто блисталъ и дѣйствовалъ на его московской тризнѣ? Довольно!.. Общество русское доказало свою цивилизованную зрѣлость, поставило Пушкину дешевый памятникъ; по европейски убирало его вѣнками, по европейски обѣдало, по европейски говорило на обѣдахъ спичи. По обыкновенію своему, интеллигенція наша, ровно, по этому поводу, ничего не выдумала своеобразнаго, даже чего-нибудь такого, что умѣютъ выдумать отживающіе французы, по случаю какого-нибудь наводненія въ дальней Испаніи.... У подножія монумента великаго русскаго творца, не обнаружилось ни одного молодого и оригинальнаго таланта, ни въ ораторскомъ искусствѣ, ни въ поэзіи; говорили рѣчи и стихи, и вообще дѣйствовали тутъ все люди прежніе, съ давно-опредѣлившимися взглядами, и давно извѣстные; блистали люди, которыхъ молодость прошла при *прежнихъ условіяхъ*, болѣе сходныхъ съ условіями, развившими самаго Пушкина. Враждебно-ли, или сочувственно относятся всѣ эти таланты *къ старому порядку* и его остаткамъ—все равно; *они всѣ обязаны этому поруганному прошлому*, какъ впечатлѣніями своими (т. е. содержаніемъ своихъ тво-

реній), такъ и умственными силами своими, трудившимися надъ воспроизведеніемъ этого содержанія, даннаго русскою жизнью... *Новаго ничего!*... Ни изобрѣтательности въ формѣ чествованія, ни какой бы то ни было умъ поражающей, свѣжей мысли, либо вовсе неслыханной, либо давно забытой и просящейся снова въ жизнь.... Многое изъ сказаннаго и написаннаго по этому поводу, было гдѣ-то и когда-то, навѣрное, тоже сказано или написано, тѣми-же самыми лицами или иными, и гораздо лучше, и полнѣе. Одинъ только человекъ, какъ слышно, выразился по поводу пушкинскаго празднества вполне оригинально:—это графъ Л. Толстой.... Печатали, будто онъ, отказываясь отъ участія въ этомъ празднествѣ, сказалъ: «это все одна комедія!» — Я не думаю, чтобъ это было такъ. Отчего-жъ комедія?.. Вѣроятно, многіе были искренни въ своемъ желаніи почтить память Пушкина... Мнѣ очень нравится эта независимость графа Толстаго, и его капризное пренебреженіе къ современности нашей, но я не вижу нужды соглашаться съ тѣмъ, что все это притворство и комедія. Въ искренность я готовъ вѣрить; я желалъ бы видѣть только во всемъ этомъ больше національнаго цвѣта, побольше остроумія и глубины. Все это, быть можетъ, и очень тепло; но тепло какъ паръ, не замкнутый въ какую-нибудь форму. Тепло, даже горячо, порывисто, но разсѣялось скоро, и не осталось ничего!... Все надежды, все мечты, и мечты вовсе не картинны! Правду сказали въ «Вѣстникѣ Европы» (я гдѣ-то это прочелъ), что и въ томъ «смиреніи», которое хотять признать уже довольно давно отличительнымъ признакомъ славизма, есть много своего рода самохвальства и гордости, ничѣмъ еще неоправданныхъ.... Довольно объ этомъ. Больше всего сказаннаго и продекламированнаго на праздникъ, мнѣ понравилась и заставила меня задуматься—рѣчь Ѳ. М. Достоевскаго. Положимъ, и въ этой рѣчи значительная часть мыслей не особенно нова и не принадлежитъ ис-

ключительно г. Достоевскому: «О русскомъ «смирѣніи, терпѣніи, любви», говорили многіе, Тютчевъ пѣлъ объ этихъ добродѣтеляхъ нашихъ въ изящныхъ стихахъ. Славянофилы прозой излагали тоже самое: «О всеобщемъ мірѣ» и «гармоніи» (опять таки въ смыслѣ *благоденствія*, а не въ смыслѣ *поэтической борьбы*) заботились и заботятся, къ *несчастью*, многіе и у насъ; и на Западѣ: Викторъ Гюго, воспѣвающій междоусобія и цареубійства, Гарибальди, составившій себѣ славу военными подвигами, социалисты, квакеры, по своему—Прудонъ; по своему—Кабе; по своему—Фурье и Ж. Сандъ.

Въ программѣ изданія «Русской Мысли» тоже обѣщаютъ *царство добра и правды на землѣ, будто-бы* обѣщанное самимъ Христомъ. Въ собственныхъ сочиненіяхъ г-на Достоевскаго, давно и съ большимъ чувствомъ и успѣхомъ проводится мысль о любви и прощеніи. Все это не ново; ново-же было въ рѣчи г. О. Достоевскаго приложеніе этого полу-христіанскаго, полу-утилитарнаго, *всепримирующаго стремленія къ многообразному и демонически-нужному гению Пушкина*. Но какъ-бы то ни было,—необходимо прежде всего считаться и съ именемъ автора, и съ эффектомъ, произведеннымъ его словами; тѣмъ болѣе, что эта не слишкомъ новая мысль—о «смирѣніи» и о примирительномъ назначеніи славянъ (составляющихъ, за непобѣдѣнностью пока лучшаго нашу племенную особенность), распространена въ той части нашего общества, которое ни съ любовью къ Европѣ не хочетъ разстаться, ни съ послѣдними сухими и отвратительными выводами ея цивилизаціи покорно помириться не можетъ. До этого, къ счастью, еще наше смирѣніе не дошло.

Объ этой рѣчи я хочу поговорить сегодня.

Не знаю, что бы я чувствовалъ, еслибы я былъ *тамъ*... Но издали, человѣкъ хладнокровнѣе. Я нахожу, что рѣчь г. Достоевскаго (напечатанная потомъ въ «Московскихъ Вѣ-

домостяхъ») въ самомъ дѣлѣ должна была произвести потрясающее дѣйствіе, если только согласиться съ ораторомъ, что призваніе *космополитической любви*, которое онъ считаетъ удѣломъ русскаго народа, есть назначеніе благое и возвышенное. Но, признаюсь, я многого, очень многого въ этой идеѣ постичь не могу... Это всеобщее примиреніе, даже и въ теоріи, со многимъ само по себѣ такъ *непримиримо!*...

Въ первыхъ, я постичь не могу, за что можно любить *современнаго европейца?*...

Во вторыхъ, любить и любить — разница.... Какъ любить?—Есть любовь—*милосердіе*, и есть любовь *восхищеніе*; есть любовь *моральная*, и любовь *эстетическая*. Даже и эти два вовсе несхожія *влеченія* нужно подраздѣлить весьма основательно на нѣсколько родовъ. Любовь моральная, т. е. искреннее желаніе блага, состраданіе или радость на чужое счастье и т. д., можетъ быть *религіознаго происхожденія*, и происхожденія *естественнаго*, т. е. *производимая* (безъ всякаго вліянія религіи) большой природной добротой, или воспитанная какими нибудь гуманными убѣжденіями. Религіознаго происхожденія нравственная любовь, потому уже лучше естественной, что естественная доступна не всякой натурѣ, а только счастливо въ этомъ отношеніи одаренной; а до религіозной любви, или милосердія, можетъ дойти и самая черствая душа долгими усиліями аскетической борьбы противу эгоизма своего и страстей. На это можно привести довольно примѣровъ и изъ нынѣшней жизни. Но живые примѣры и біографическія подробности заняли-бы здѣсь много мѣста. Больше я развивать эту тему и подраздѣлять чувства любви или симпатій не буду. Объ этомъ можно написать цѣлую книгу. Я только хотѣлъ *напомнить* все это. Остановлюсь на грубомъ, можно сказать, различіи между любовью моральной и любовью эстетической. Мы жалѣемъ человѣка, или онъ нравится

намъ—это большая разница, хотя и совмѣщаться эти два чувства иногда могутъ. Попробуемъ приложить оба эти чувства къ большинству современныхъ европейцевъ. Что-же, намъ жалѣть ихъ, или восхищаться ими?—Какъ ихъ жалѣть?! Они такъ самоувѣренны и надменны; у нихъ такъ много передъ нами и передъ азіатцами житейскихъ и практическихъ преимуществъ? Даже большинство бѣдныхъ европейскихъ рабочихъ нашего времени—такъ горды, смѣлы, такъ *не смиренны*, такъ много думаютъ о *своемъ мнимомъ* личномъ достоинствѣ, что сострадать можно имъ никакъ не по первому невольному движенію, а развѣ по холодному размышленію, по натянутому воспоминанію о томъ, что имъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть *въ экономическомъ отношеніи тяжело*. Или еще можно ихъ жалѣть философски, то-есть такъ, какъ жалѣютъ людей ограниченныхъ и заблуждающихся. Мнѣ кажется, чтобы почувствовать невольный приливъ къ сердцу того милосердія, той нравственной любви, о которой я говорилъ выше, надо видѣть современнаго *) европейца въ какомъ нибудь униженномъ положеніи: побѣжденнымъ, раненымъ, плѣннымъ, да и то условно. Я принималъ участіе въ Крымской войнѣ, какъ военный врачъ. И тогда, наши офицеры, даже казацкіе, не позволяли нижнимъ чинамъ обращаться дурно съ плѣнными. Сами же начальствующіе изъ насъ, какъ извѣстно, обращались съ непріятелями даже слишкомъ любезно, и съ Англичанами, и съ Турками, и съ Французами. Но разница здѣсь была большая. Передъ Турками, никто блистать не хотѣлъ. И по отношенію къ нимъ, дѣйствительно, во всей чистотѣ своей

*) Я говорю „современнаго“ въ смыслѣ тенденціи, рода воспитанія, и всего того, что составляетъ такъ называемый *типъ*, а не про всѣхъ тѣхъ, которые *теперь живутъ*. И Бисмаркъ, и Папа, и какой-нибудь набожный простой ба-варецъ, *тоже теперь живутъ*; но это остатки — прежней, *чистой*, такъ сказать, и *богатой духомъ* Европы.—Я не про такихъ современниковъ нашихъ говорю: объясняюсь разъ навсегда.

1 являлась русская доброта. Иначе было дѣло съ Французами. Эти сухіе фанфароны были тогда побѣдителями, и даже въ плѣну, были очень развязны, такъ что по отношенію къ нимъ, напротивъ того, видна была жалкая и презрѣнная сторона русскаго характера; — какое-то желаніе заявить о своей деликатности; подобострастное и тщеславное желаніе получить одобреніе этой массы самоувѣренныхъ куаферовъ, про которыхъ Герценъ такъ хорошо сказалъ: «онъ былъ не очень глупъ, какъ почти всѣ Французы, и не очень уменъ, какъ почти всѣ Французы». Все это необходимо отличать, и великая разница, — быть ласковымъ съ побѣжденнымъ китайскимъ мандариномъ, или съ индѣйскимъ паря, — или разстилаться передъ французскимъ *troupiér* и англійскимъ морякомъ. По отношенію къ азіатцамъ, какъ идолопоклонникамъ, такъ и магометанамъ, мы дѣйствительно, являемся въ подобныхъ случаяхъ тѣми добрыми Самарянами, которыхъ Христосъ поставилъ всѣмъ въ примѣръ. Относительно же европейцевъ — эта доброта весьма подозрительнаго источника, и, признаюсь, я расположенъ ее презирать. Я вспоминаю нѣчто о г. Зиссерманѣ. Въ одномъ изъ своихъ политическихъ обзорѣй, г. Зиссерманъ, возмущаясь нашимъ, дѣйствительно, быть можетъ, излишнимъ кокетствомъ съ плѣнными турками (изъ которыхъ столь многіе поступали звѣрски съ болгарами и сербами), ставилъ намъ въ примѣръ нѣмцевъ которые, набравши въ плѣнъ такое множество французовъ, почти не говорили съ ними, и не хотѣли съ ними вовсе общаться. Нѣмцы прекрасно дѣлали, — съ этимъ я согласенъ. Именно, такъ надо поступать съ французами. Милосердіе къ нимъ, въ случаѣ несчастія, должно быть сдержанное, сухое, какъ бы обязательное и холодно-христіанское. Что касается до турокъ и другихъ азіатцевъ, которыхъ преходящая самоувѣренность въ наше время не можетъ въ понимающемъ человѣкѣ возбуждать негодованіе, а скорѣе какую-то жалость, — то, не доходя, ра-

зѣмбется, до поднесенія букетовъ и тому подобныхъ русскихъ глупостей, конечно, въ случаѣ униженія и несчастія съ ними, слѣдуетъ быть поласковѣе. Кстати о букетахъ, Когда русскій мѣщанинъ, солдатъ или мужикъ, ведетъ плѣнныхъ турокъ, и, вспоминая о жестокостяхъ, совершенныхъ ихъ соотечественниками, думаетъ про себя: «а можетъ быть эти турки, которыхъ я вижу, ничего такого не дѣлали; — за что же ихъ оскорблять?» — то я вѣрю въ это православное русское добродушіе. Я понимаю, что та сторона ученія Христова, которая говоритъ именно о прощеніи, т. е. о самомъ высшемъ проявленіи этой нравственной любви, — дается русскому народу легче, чѣмъ какому-нибудь другому племени. Положимъ, и къ простолюдину русскому можно здѣсь придаться. У одного — лѣнь; у другого — все слабовато, въ томъ числѣ и мстительность, и гордость — не выразительны; третій — самъ не знаетъ, что ему нужно дѣлать; у четвертаго — равнодушное отношеніе ко всему, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ. Но это уже тонкіе психологическіе оттѣнки. И распространенію христіанства служили не одни только высокія побужденія, а всякія; — ибо «сила Божія и въ немощѣхъ нашихъ познается». Но когда нашъ харьковскій европеецъ, или калужская французженка любезничаютъ съ унылымъ или угрюмымъ мусульманиномъ, я впадаю въ искушеніе... Я знаю — этотъ европейскій Петръ Ивановичъ, или эта французская Агафья Сидоровна дѣлаютъ это не совсѣмъ просто; боюсь до смерти, что у нихъ, хотя полусознательно, но мелькаютъ въ умѣ: газеты, западное общественное мнѣніе, «вотъ мы какіе милые и цивилизованные!» Тогда какъ, по настоящему, надобно сказать себѣ: «какое намъ дѣло до того, что о насъ думаетъ Европа?» — Когда же мы это поймемъ!

И такъ, говоря я, любовь къ людямъ можетъ быть прежде всего двоякая: *нравственная или сострадательная, и эстетическая или художественная*. Нерѣдко, я сказалъ,

онѣ дѣйствуютъ смѣшанно. Въ рѣчи г. Достоевскаго, по поводу Пушкина, эти два чувства совершенно разнородные, и въ жизненной практикѣ чрезвычайно легко-отдѣлимые, вовсе не различены. А это очень важно. Лермонтовъ и другіе кавказскіе офицеры, сражаясь противъ черкесовъ и убивая ихъ, восхищались ими, и даже нерѣдко подражали имъ. Точно такое же отношеніе къ горцамъ мы видимъ и у старовѣровъ-козаковъ, описанныхъ гр. Львомъ Толстымъ. Этотъ же романистъ представилъ намъ примѣры подобныхъ двойственныхъ отношеній русскаго дворянства къ французамъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Черкесы эстетически нравились русскимъ, противникамъ своимъ. Русское дворянство времени Александра I-го восхищалось тогдашними французами, вредя имъ стратегически (а слѣдовательно и лично), на каждомъ шагу.

Рѣчь г. Достоевскаго очень хороша въ чтеніи, но тотъ, кто *видалъ самого автора*, и кто *слышалъ какъ онъ говоритъ*, тотъ легко пойметъ восторгъ, охватившій слушателей.... Ясный, острый умъ, вѣра, смѣлость рѣчи.... Противъ всего этого трудно устоять сердцу. Но возможно ли строить новую, національную культуру на одномъ *добромъ* чувствѣ къ *людямъ* безъ особыхъ, опредѣленныхъ, въ одно и то же время *вещественныхъ и мистическихъ*, такъ сказать, предметовъ вѣры, виѣ и выше этого чело-вѣчества стоящихъ,—вотъ вопросъ?

Космополитизмъ православія имѣетъ такой Предметъ въ живой личности распятаго Иисуса. Вѣра въ божественность Распятаго при Понтійскомъ Пилатѣ назаретскаго плотника, Который училъ, что на землѣ все невѣрно и все не важно, все даже нереально, а дѣйствительность и вѣковѣчность настанетъ послѣ гибели земли и всего живущаго на ней: вотъ та осязательно-мистическая точка опоры, на которой вращался и вращается до сихъ поръ исполнинскій рычагъ христіанской проповѣди. Не полное и повсемѣстное торже-